

● Из блокнота писателя

К НАМ ПРИЕХАЛ АРТЕМ

Летом 1936 года Артема Веселого пригласили в Ашхабад писать сценарий о борьбе с басмачеством. Общался он с туркменскими писателями, кино же для Артема Ивановича дело новое: он прозаик, один из видных современных романистов. Русский читатель знает его как автора двухтомной эпопеи «Россия кровью умытая» и исторического полотна о завоевании Сибири Ерманом в XVII веке «Гулай, Волга!»

Сын самарского грузчика, он начал трудовой путь подростком, извездил немало профессий и в 17 лет вступил в ряды большевистской партии. Плавал матросом на Черном море, участвовал в сражениях гражданской войны. В начале двадцатых закончил Высшие литературные курсы имени Брюсова, учился в Московском университете.

В середине тридцатых уже утверждалась и становилась год от года крепче связь братских советских литератур. Прошел Первый Всесоюзный съезд Союза писателей СССР. Партия поставила перед ними высокие цели, а руководству творческим союзом в ту пору осуществлялось при непосредственном участии Алексея Максимовича Горького. Творческое взаимное обогащение литератур приносило ощутимые плоды. Здесь, у нас, в те годы гостили Леонов и Тихонов, Луговской и Всеволод Иванов, Павленко и Платонов, создавшие яркие художественные полотна о жизни самой южной республики страны. И все они позднее чувствовали себя в родстве с туркменской литературой.

Я работал тогда в Мары уполномоченным Союза писателей по области. Получил из Ашхабада задание: встретить Артема Ивановича и помочь ему в течение нескольких дней. Такое поручение дал мне председатель и мой старший друг Ходжанепес Чарыев.

Встреча с именитым москвичом вызвала ягучий интерес и, не срывая, чувство робости. Еще бы: я, начинаю-

щий литератор, вчерашний железнодорожник, а тут — сам Артем Веселый!... Он приехал на три дня, устроился в скромном номере гостиницы, на Хорасанской, близ вокзала, но в номере не засиживался, только ночевал.

Его здесь занимало многое. Природа оазиса, быт простого народа, следы исторического прошлого, в первую очередь — период вхождения Туркмении в состав России, битвы гражданской войны и начальный период социалистического строительства. На сей счет ведет он беседы с людьми, тому же посвящены и наши экскурсии по оазису с утра до ночи.

Не мог Артем Иванович миновать и древнего Мерва, куда мы с ним прибыли с утра и где бродили до полудня по развалинам двухтысячелетнего города. Мавзолеев Санджара, крепостные стены домусульманской Гаур-калы и поздних сооружений не вызывали особого энтузиазма в моем именитом спутнике. Не спеша он разглядывал их, бросал негромкие замечания, иногда шутил по поводу останков гробниц и церквей, хотя древность явно не его страсть и не его «специальность». По-настоящему же, с волнением, вскоре на байрамалийском масло-жирномбняте он будет рассматривать цех, где местные рабочие по своему почину и безвозмездно отливали скульптуру Владимира Ильича Ленина для памятника в Ашхабаде — одного из первых в нашей стране памятников великому вождю.

Вызвало любопытство и «государство имение». Мы посещаем его. Веселый спрашивает:

— Сколько ж десятин земли владыки захватили у крестьян? Как элентричество вели сюда от Иолотани, от той плотинки, как ее... Гиндукуш? Оросители, смотрите, как ловко понастроили их, на дармовщину. И теперь, верно, городок и колхозы ими пользуются?

В окрестностях Байрам-Али заглянули в одну колхозную бригаду. Зеленое море хлопчатника, уголок аула,

круглоголовые кибитки, шумная детвора плещется в арыке, мужики что-то везут на арбах, запряженных осликами, женщины валяют кошмы, смачивая их арычной водой. Здесь гость наш ограничивается короткими беседами, с чем-то сравнивает здешние предметы быта, — он ведь так много повидал в жизни!

В самом Мары его интересы шире. А город хранит еще следы дооктябрьского и наповского уездного уклада. По центральной улице сплошь растворы, широкие полинявшие двери армянских магазинов, уже не торгующих в эти дни.

Мы стоим на деревянном мостике через Мургаб. Веселый заводит о литературе речь — я давно готов был послушать писателя именно в этом духе. Но он сначала расспрашивает о туркменских писателях, кем и что интересного написано в последние годы. Говорю о Ташназарове, Кербабаеве и Аламышеве, затем — о местных товарищах, с которыми успел близко сойтись. Он одобрительно кивает и выражает мнение, что литература Туркмении смело и правильно пошла ввысь, вперед.

— Вот увидите, что еще будет через каких-нибудь двадцать-тридцать лет. — спрашивает меня в упор, — кто из наших русских читателей? Называю несколько имен прозаиков и поэтов: Шолохова, Леонова, Зощенко, Фадеева, Маяковского, Асеева — словом, тех, чьи книги в ту пору у меня под рукою.

Здесь, пожалуй, уместно будет небольшое отступление, и мы забьем вперед на тридцать лет. Где-то в начале шестидесятых группа писателей России гостит в Туркмении. Из Ашхабада по южным районам мы сопровождаем их, а возглавляет группу Берды Мурадович Кербабаев.

Приезжали и в древний Мерв. Мне довелось с поэтом Михаилом Дудиным осматривать те же самые места, которые некогда посещал Артем Веселый. Я вспомнил

об этом, и Михаил Александрович был приятно удивлен таким «совпадением».

— Да неужели он тут гулял, неужто правда? — восклицал поэт. — А знаешь, ведь это замечательный писатель, революционер, комиссар. Ушел без времени... и не по своей вине.

Значительно позже, уже в семидесятых годах, мы прочитали поэму Дудина «Песня моим комиссарам» с подзаголовком «Посвящается Артему Веселому». Духом высокой романтики овеяны строки поэмы, когда автор говорит об участниках той войны, «буревестниках наших побед».

Передышки не будет.
Горенье!

Переход от беды до беды

Пополнением мое поколение

Переполнило ваши ряды.

Ваша жизнь не вмещается в сроки

Неустроенной жизни земной.

Комиссары мои, как пророки,

Навсегда остаются со мной.

Заключительный аккорд

поэмы говорит о преемственности поколений, о благодарности тех, кто сегодня наследует героям революции.

Означаются нескружимыми,

Навсегда сохранявшие след,

Озаренные солнцем вершины

Ваших жизней и ваших судеб.

...Но вернемся в середину тридцатых, в центр Мургабской долины. Времени мало. У гостя истекает срок командировки: пора на вокзал, к скорому поезду Москва-Ашхабад.

В вагоне он сожалеет, что не съездили мы в деревню Шортене к моему другу, народному шахиру Ата Салиху. И о Кушке...

— Ах, я непременно еще загляну сюда, да так — недели на две. Люди, места какие!

Напоследок еще заводит речь о Ходжанепесе Чарыеве, отзываясь о нем, как о культурном и обаятельном человеке. И тут уж мы с Артемом Ивановичем находим общий язык.

Звонки, скорый отходит. Со ступенек вагона он пожимает мне руку, загоразивая пассажиров в тамбуре. Три дня пролетели будто три часа, но остался от этой встречи след неизгладимый.

А. АБОРСКИЙ